

А. П. Забияко, А. А. Забияко
**ИСТОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ РУССКО-КИТАЙСКИХ СЕМЕЙ
 В МЕМОРАТАХ ТРЕХРЕЧЬЯ***

УДК 39(470+510)

ББК 63.521 (=411)+63.521(=711)

В центре внимания авторов статьи — русские, проживающие в Трехречье, районе на северо-востоке Китая (Внутренняя Монголия). В настоящее время существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек. Анализируя материал полевых исследований русскоязычного населения Трехречья, авторы приходят к выводу о том, что для этой этнической группы важнейшей основой этнокультурной идентификации является язык и семейные мемораты — речевые жанры, связанные с историей поколений и семейным бытом. Семейные мемораты русских жителей Трехречья сохраняют сведения об исторических процессах начала XX в. и отражают этнокультурную специфику этой этнической группы. Основными сюжетами меморатов являются события этапа формирования этнокультурной общности русских Трехречья, истории браков русских девушек из Забайкалья и юношей из южных районов Китая (из провинций Шаньдун и Хэбэй), события эпохи японской оккупации Маньчжурии, освобождения Китая советскими войсками, тяжелых лет «культурной революции». Эти речевые жанры постепенно переходят в устойчивые фольклорные тексты со своей композицией, стилистикой, прагматикой; становятся основой исторической памяти и формой сохранения идентичности русских Трехречья в китайской среде. Семейные мемораты русскоязычного населения Трехречья обретают значение неписаной истории поколений русско-китайских семей.

Ключевые слова: *миграция, Трехречье, этнография, фольклор, речевые жанры, мемораты, этничность, идентичность, русскость, этнокультурная идентификация, историческая память*

История поколений семей в этнических сообществах, исторически сформировавшихся на границе культур, — история особого рода. В ней тесно переплелись проблемы этнокультурной и этнорелигиозной идентификации, сохранения исторической памяти. Жизнь современного русскоговорящего населения Трехречья (провинция Хулуьнбуэр, Внутренняя Монголия, КНР) как результат длительной истории формирования русского анклава в этом регионе дает богатый материал для изучения данных проблем с точки зрения исто-

рии, этнографии, антропологии, фольклористики, религиоведения.¹

Историческая судьба русскоговорящего населения Трехречья со времен конца Гражданской войны представляет собой череду преодолений тяжелейших испытаний. Жители Трехречья страдали и от белогвардейцев атамана Семёнова, и от карательных набегов красных отрядов, и от японских захватчиков, оккупировавших Маньчжурию в 1931–1945 гг. Победа над Японией и образование КНР обернулись для русских Трехречья сначала репрессиями со стороны советской власти по обвинению в пособничестве белогвардейцам и японцам, арестами, насильной или «полудобровольной» высылкой в СССР; потом, в годы «культурной революции» и борьбы с «советским империализмом», — репрессиями со стороны китайских властей по обвинению в пособничестве СССР.² С начала 1950-х гг. политический террор, демографические тиски, экономические тяготы,

*Забияко Андрей Павлович — д. филос. н., зав. кафедрой религиоведения и истории Амурского государственного университета (г. Благовещенск)
 E-mail: sciencia@yandex.ru*

*Забияко Анна Анатольевна — д. филол. н., зав. кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск)
 E-mail: sciencia@yandex.ru*

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», рук. А. П. Забияко

¹ См.: Забияко А. А., Забияко А. П. Русские Трехречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 160–172.

² См.: Янь Гуанцин, Дун Сяньчжуй. Русская нация в Аргуньюци. Чжухай (Гауньдун), 2013. (Перевод Чжоу Синьюй).

культурные и образовательные ограничения деструктивно воздействовали на русскую диаспору Трехречья.

В настоящее время в Трехречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек.³ Это люди в возрасте преимущественно старше 50 лет. Их образ жизни связан с деревенским укладом и крестьянским трудом, в последние 20 лет сочетающимися у некоторых с мелкой торговлей и обслуживанием туризма. Русских школ здесь нет уже более 50 лет (ранее школы были практически в каждой деревне). Многие жители старшего поколения не смогли из-за бедности многодетных семей, тягот послевоенных лет и событий «культурной революции» получить даже начальное или среднее образование в китайских школах, поэтому остались неграмотными или малограмотными. На протяжении 40 лет (с конца 1950-х до начала 1990-х гг.) в условиях практически полной изоляции от России, ее языка, литературы, искусства и культуры потомки русских в Трехречье, тем не менее, сохранили русское этническое самосознание и некоторые основы русской культуры.⁴ Семейные мемуары трехреченских русских — яркое тому подтверждение.

В современной науке для обозначения такого рода жанровых образований, как семейные мемуары, используются разные наименования: «семейные истории», «биографические рассказы», «семейные биографические рассказы». Часто употребляется и довольно широкое понятие «устный рассказ» («устная история»)⁵. Мы считаем, что для исследуемых нами жанров более адекватным является термин «семейный мемуарат» как «рассказ-воспоминание с тенденцией к фольклоризации»,⁶ а именно рассказ-воспоминание об истории рода, семьи (о территории исхода семьи, о самом процессе миграции в Трехречье, о традициях предков, сохраняемых семьей и родом и т. д.).

Семейные мемуараты были собраны в ходе трех международных экспедиций, в которых принимали участие русские и китайские специалисты — этнографы, религиоведы и филологи (июнь 2015 г., участники: А. П. Забияко, А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзянлинь; сентябрь 2015 г., участники: А. П. Забияко, А. А. Забияко, Чжан Жуян; май 2016 г., участники: А. П. Забияко, А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян). Всего было опрошено более 30 информантов.⁷

Семейные мемуараты собирались в процессе интервью, что наложило на их тексты определенный жанрово-стилевой, композиционный, прагматический, этнолингвистический отпечаток. Большая часть мемуаратов звучала на русском языке, но иногда информанты-билингвы переходили на китайский язык в поисках более точного слова, в целях разъяснения каких-то реалий, более понятных китайского-говорящим интервьюерам.

Практически все информанты испытывали удовольствие от общения с русскими, так как часто они не имеют возможности разговаривать по-русски, на языке своих матерей, и испытывают настоящий «коммуникативный голод». Семейный мемуарат трехреченского русского запечатлевает сам по себе акт вспоминания русского языка, русских имен, русских явлений. В процессе интервью информант восстанавливает некоторые слова и явления, характерные для системы русского языка. Так, на вопрос, обращенный к Варваре Ушаковой, как зовут ее сестру, та на минуту задумывается: «...Дора (Федора. — Авт.), однако. Я ее просто “сестра” зову, *по-нашему*»⁸ (по китайской традиции сестры и братья называют друг друга не собственными именами, а специальными терминами, обозначающими степень родства: «старшая сестра», «старший брат», «младшая сестра», «младший брат» и т. д.). Таким образом, говорение трехреченца

³ См.: Тарасов А. П. Русская национальная волясть Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. М., 2014. Т. 44, ч. 2. С. 187–208.

⁴ См.: Кляус В. «Русское Трехречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. С. 19–187.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ Разумова И. А. Время в семейном историческом нарративе // Разумова И. А. Погаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 241–245.

⁷ Были опрошены, в частности, Иван <Васильевич> Васильев (92 г., 1923–2015, Эньхэ), Владимир Васильев (60 л., 1956 г.р., Эньхэ), Тамара <Васильевна> Ерохина (77 л., 1939 г.р., Эньхэ), Екатерина <Александровна> Литвинцева (74 г., 1942 г.р., Эньхэ), Таисья Николаевна Петухова (85 л., 1931–2016, Эньхэ), Василий Зоркальцев (72 г., 1944 г.р., Эньхэ), Анна Первоухина (Дементьева) (63 г., 1953 г.р., Эньхэ), Иван Дементьев (71 г., 1945 г.р., Эньхэ), Александр (Шура) Чешнов (78 л., 1938 г.р., Эньхэ), Клавдия Ушакова (82 г., 1934 г.р., Лабдарин), Варвара Ушакова (71 г., 1945 г.р., Лабдарин), Лидия Корытничкова (74 г., 1942 г.р., Шивей), Альгея Астафьева (81 г., 1935 г.р., Шанкули), Христина Васильевна Литвинцева (88 л., 1928 г.р., Шанкули) и др.

⁸ Здесь и далее курсив наш, он выделяет концептуальные моменты мемуаратов — Авт.

на русском языке — своеобразная ретроспекция в детство, в русский семейный быт.

По определению Н. Д. Арутюновой, мемуары есть речь, «погруженная в жизнь».⁹ Вопреки установке на интервью, трехреченский рассказчик, как правило, сам решает рассказать о чем-то, с его точки зрения, очень важным, он не подстраивает свою историю под «вопросно-ответный» диалог. Так как русские жители Трехречья в основном неграмотны (не владеют письменным русским языком, лишь некоторые умеют читать и немного писать по-китайски), в русскоязычной среде трехреченцев не существует написанной и отрефлектированной ими самими истории заселения этой территории их предками, истории социокультурных трансформаций. Не записаны и так называемые семейные хроникаты, в которых бы отразились частные истории родов и семей. СобираТЕЛЬ-интервьюер оказывается вовлеченным в «живую историю». Информант «втягивает» собирателя в живой коммуникативный акт: перед нами — нарративы, рассчитанные на ответную реакцию собеседника. В таком звучании семейные мемуары отчасти сближаются с так называемыми «свидетельскими показаниями».¹⁰

«Семейная судьба, — пишет И. А. Разумова, — выражает не “единство”, а “одинаковость” персональных судеб, их ритмичную согласованность в пределах родственной сферы».¹¹ Кроме того, семейные мемуары, исследованные нами, характеризуются системой устойчивых идей-лейтмотивов. Первоначальная установка на жанр интервью определила то, что семейные мемуары, записанные нами, типологически сходны в тематическом и композиционном плане. Отчасти они определены логикой вопросов, возрастом информантов (средний возраст — 75 лет), но, сочетая в себе общие моменты, имеют и свои особенности. Практически все мемуары включают в себя следующие тематические блоки: воспоминания о предках (о бабушках и дедушках, родителях); рассказ о том, как предки оказались в Трехречье; сведения о составе семьи; о православной вере, традиционных праздниках.

Мемуары про предков объединены топами, на основании которых сегодня склады-

вается официальная история «русской национальности Китая» в районе Внутренней Монголии, неотделимая в китайском сознании от мифологизации истории. На основе таких мифологизированных сюжетов в г. Лабдарине (Эргуна) выстроена экспозиция в краеведческом музее, написан сценарий мюзикла «Любовь Аргуни» (2015) и т. д. В этих историях, как правило, русская девушка из Забайкалья (впоследствии — мать или бабушка) выходит замуж за молодого человека из Шаньдуна. Многие дедушки и отцы-китайцы в этих воспоминаниях принимают крещение, неплохо говорят по-русски.

Несмотря на обозначенные топы мемуаров, в них отразились и индивидуальные характеры информантов, их личные оценки исторических и социальных процессов, взгляд на окружающую действительность, их этнокультурная идентичность. Приведем несколько примеров: «Оба (родители) — полукровцы, бабушки у нас русские чисто. Дедушки из Шаньдуна, ну, они сюды молодые выехали, здесь поженились на русских, потом нас наплодили. У нашей бабушки много было: 6 сыновей да 4 дочки. Бабушка моя с отцовской стороны с Приаргуньской, а с материнской-то, я не знаю, с какой стороны они выехали, нет, я неправильно сказала — “Черухай”, там новый Черухай — старый Черухай — это бабушка отца оттуда» (Екатерина Литвинцева);

«Мама — русская, папа — китаец. Мама — Анисия Александровна. У меня бабушка — Александр — плотник был. Три дяди было: Иван, Николай, когда воевали — погибли. С японцами воевали, ближе к Драгоценке, Советский Союз помогал в Китае. У меня шесть сыновей, две дочери. <...> Отец искал, где заработать, поехали в Россию они, ехали — доехали до Маньчжурии, уехали в Россию. Их 8 человек было. Вот там жили у русских, работали, как раз это царь с советскими воевали (видимо, речь о Гражданской войне — Авт.). Вот в армию записались (видимо, русские хозяева — Авт.), они уехали на прииск (отец и его товарищи — Авт.), там с матерью пожил, потом в Китай вернулись» (Иван Васильев);

«Меня зовут Лида, фамилия по отцу Широкова. Он — Широков Александр, он китаец, в Союзе был, тама-ка, а хто знат, что в Союзе делал, раньше молоды были, не рассказывал. Мама — Корытникова Анна Ильинична. <...> Отец по-русски, ой, хорошо говорил, он уж давно умер. Я думаю-ка, он давно в Союзе

⁹ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 136.

¹⁰ См.: Липатова А. П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемуары. URL: <http://www.ulfolk.ru> (дата обращения: 16.03.2016).

¹¹ Разумова И. А. Указ. соч. С. 139.

был, молодой еще, а потом в Китай приехал. Потом на маме женился, там немного был, работал, он неграмотный был, а по-русски хорошо говорил. Вот на прииске там работал, старушки его тама-ка так прозвали. Вот мама сюда приехала и вышла замуж за китайца. Она с Марьино. Я здесь родилась в Усть-Урове» (Лидия Корытникова);

«Я родилась в Китае, в Драгоценовке, у меня 3 сестры в России родились, у меня папка, мамка с Забайкалью» (Таисья Петухова);

«Я — Ерохина Тамара Васильевна. Мама — русская, папа — китаец. Отца Василий звали — китаец. Китаец чистый, я, конечно, на русскую, я на маму похожа. Мы еще небольшие были — матери нету. Нас, детей, нарождала 10: 8 девок и 2 парня. Мои сестры все здесь, малый брат, когда молодой был, умер, а старший сейчас в Лабдарине живет.

А. А.: Они замуж шли все за китайцев?

Т. Е.: Сестры мои — за полукровцев, кто за китайцев есть. Я в паспорте китаец, под китайским я подданством. У меня родственники не остались, мои родные тети-то уехали в Союз, когда первые заграницы открылись, в 1955 г. тогда убежали мои тети — мамыны сестры. Мама не одна была. Ее мать, когда они перебежали, я не знаю, наверно, не смогу сказать-то. Моя бабушка здешняя, где-то здесь жили, тётев сколько — три было, два брата было у матери: один уехал в Союз, один здесь умер, в Китае. Так семья, наверно, а уж потом здесь, как попали за китайцев, вот этого я не знаю» (Тамара Ерохина);

«Тут золото мыли, завод был. Тут народу не было, мало-мало. Ничего они не заработали. В годах — жениться надо, а китаюшек-то не было. Здесь русские девушки. Сталин всех сюда пригнал (очевидно, речь о революции, Гражданской войне, репрессиях 1920–1930-х гг. — Авт.). Сюда и из России пришли китайцы. Мама из Олочи приехала с отцом. Сперва жили в Барге, потом японцы наступили» (Василий Зоркальцев).

Из этой части мемуаров можно сделать вывод о том, что брак, как правило, заключался «по сговору», но были случаи и «умыкания» в буквальном смысле, о чем свидетельствуют следующие материалы: «Расскажи-то, сестра, как маму за папу выдали. Ее споили и выдали, она в жизни потом не брала в рот (спиртное — Авт.). Ей 18 лет было, отцу-то 42, на 22 (24) года разница была, и они ее споили и выдали за папу за нашего, и потом она в жизни водку не брала.

<...> Они привезли ее ведь в няньки, они обманули ее. Кака-та хрома эта была, да еще один мужчина, говорят, что повезем тебя в няньки, тама сдадим, а они привезли ее на саянях в дохе. Привезли ее туды на заимку, и там русска печка, да больша была, и они ее скорей на русску печку-то: “Согрейся, залезай на нее, раздевайся”. Она говорит: “Я ниче не знаю, да кого — молода еще. Они залезли с бутылкой: один за руки доржит, а она (хромая сводница — Авт.) льет мне в рот-то”. Так они ее напоили, так она напилась-то» (Клавдия Ушакова, Варвара Ушакова);

«Мой дедушка тоже через Аргунь её (бабушку — Авт.) привёз. Все без паспорта тогда, вечером приедут, все почти зимой. А если лето, то на лодочке привезут себе невестов, вот так вот Аргунь, по обеим сторонам. В России тогда было трудно, китайские женихи бежали на тот берег и невесту привезут. И не надо денег, и не надо свадьбу делать. Китайцы приехали из китай[ской] провинции Хэбэй, Шаньдун: там, в Китае, тоже трудно было, вот они приедут до Харбина и от Харбина идут пешком сюда, дорог-то не было. Придут, тут леса, трава, сено косят, тут свободно. Дедушка из Гольдучи был, жил зажиточно» (Ирина Громова).

Рассказ о предках неотделим от сюжетов, повествующих о том, как предки попали в Трехречье, какие социально-политические процессы тому способствовали. Информанты вспоминают: «У меня бабка из Забайкалу, три сестры с Забайкалу и мама тоже с Забайкалу. Вы знаете, через границу тут с Забайкалу недалеко. У нас почему полукровцы-то получились: тогда белобандиты (на российской стороне — Авт.) эти белые, они девушек шибко портили, ругались, и почему девушки-то все в Китай перебежали и потом не вернулись, за китайцев ушли, вот пошли полукровцы, все девушки из России сюды перебежали. Невозможно там было жить: они, говорит, к кому зайдут, даже муку всю рассыпят по ограде тебе. Вот все женщины прячутся, все девушки в Китай и перебежали, и пошли полукровцы. Нас тут много было, старушек-то, вот они начнут рассказывать — трудно было нам» (Таисья Петухова);

«Давно это было, наверно, уж 200 лет, в Китае-то бедно жили. У нас папа, их три брата, вот поженился, ребенок первый родился, он сюды перебежал: тут говорят, что хорошо жить. Перебежал сюды на заработки. Это еще до японцев было. Сюда перебежал, в Китае

все оставил: отец, мать, жена да ребенок еще. Он в поезд сел, там солдаты, его спрашивают: “Ты куда?” Он говорит: “От голоду”. Его спрашивают: “Что делать можешь?” Он говорит: “Поваром могу быть”. Мамина-то родина — Иркутск. У меня старик (муж — *Авт.*) тут родился, а они с Пултуруйска, недалеко от Аргуни, на том берегу. У меня свекровка тоже без матери: родила (мать свекрови — *Авт.*) и сразу померла. У дедушки выросла до 17, потом за отца-то ушла. Раньше там была война, тоже война на русской-то стороне. Перебежим в Китай, там хорошо. *Старик*-то (дед — *Авт.*) — все перебежали, их 2 сына да дочь еще были. Потом немного пожил, потом японцы чё-то сомневались, его поймали, <...> там Ган, завязали куль, а там камень, и утопили отца (свёкра — *Авт.*)».

У нас папка-то не берет (мать замуж — *Авт.*), говорит: “У меня есть жена в Китае, есть сын”. Она (мать — *Авт.*) пошла стирать, мыть, лишь бы нас накормили. Потом китаец-то добрый был, говорит: “Вы их возьмите, их две сестры, одной — 17, второй — 16, они тёмненькие, не сильно видно, что русские”. Вот так они ушли за двух китайцев. Так у меня родных и нет: двух дядюшек на войне убили, а бабушка и бабушка давно уж померли, а на той (русской — *Авт.*) стороне нету родных. У нас свекровка как померла, свёкр опять взял из Союзу, еще 5 братьев родила и 1 приведённый был, жили в Драгоценке, потом опять уехали в Союз, теперь много в России родных» (Альгея Астафьева);

«У меня *мать* тут, от Аргуни недалёко, была — Забайкал, деревню называли Чалбачи. Тогда в России революция была, красны с белыми воевали, тоже потом разбеднело. У моей мамы бабушка, она 9 лет вдовушкой была, 3 девки, она сама их вырастила. У ей левый бок сильно болел, потом-ка умерла. Моёй маме было 14 или 11 вот так, маминой сестры, та на 2 года постарше, они пошли по нянькам. Тогда исть-то трудно стало, Россия разбеднела. Китай-то хорошо жил (очевидно, на территории Трехречья в те годы — *Авт.*). Тогда не запрещали, границы не было, они потом пошли по нянькам здесь, в Китае. Вот так ушла потом-ка за моёго отца. *Отец* из *Шаньдуня*. <...> У них один год кобылки всё объели, ничего не было. Они молоды были, знали только, что пойдём на Запад, там, может, останемся. Вот шли пешком: не было железной дороги. Их было 7–8 молодых парней, 16–18 вот таких

лет. В которо место зайдут, работу ищут, найдут, поработают сколь дён, заработают на харчи, опять идут. Тогда не было границы, не закрывали, так они дошли до Союзу. В Союз когда зашли, ушли которы золото мыть, которы в работники ушли. Мой отец-то кирпичи жёг. Которым работать не охота — поступили служить. Тогда большики (большевики — *Авт.*) брали китайцев, служили. Тогда уж пошла революция, красны с белыми воевали. Он там-то кирпичи жёг, продавал, остались деньги — он там лавочку открыл. Жил хорошо там. Потом-ка не знаю, красны или белы наняли в Монголию армию солдат (видимо, отряды барона Унгерна — *Авт.*). Они ему сожгли лавочку, он по-русски хорошо говорил, а когда лавочку сожгли ему, деньгами, кому печку клал, они (русские — *Авт.*) ему помогли. Он опять открыл лавочку, только за границей, а не здесь, там деревня к деревне рядом. Он здесь (в Китае — *Авт.*) открыл лавочку, вот в то время он встретил маму, она за него ушла, молоденька ушла, ещё 17 не было, 16 лет — вот так. Вот так в Китае и остались» (Шура Чешнов);

«*Бабушка*-то с *дедушкой* мои сказали: “Переходите через Аргунь, там река больша, в Китай, там помаячите, за китайцев уйдете”. Так *мама*-то за *китайца* ушла. У меня еще тетка была, она уехала в Харбин. Раньше мы маленьки были, так и не знаем, где она, так потерялась там» (Альгея Кузнецова).

Как видим, «точной отсчета» семейной исторической памяти становится *событие переселения* предков в Трехречье. Русские «полукровцы» устойчиво фиксируют свое происхождение до третьего колена — до бабушек и дедушек (как правило, у тех — русские матери и отцы-китайцы). Соответственно, начало своего рода они ведут с того момента, когда появились потомки в смешанном браке, т. е. представители «нашей нации» (В. Зоркальцев) «полукровцев», — этим событием определяется «актуальная память» семейных меморатов.

Пространство и статус локуса исхода варьируются в узких пределах. Информанты знают, как их предки оказались в Трехречье (из российского Забайкалья и китайских провинций Шаньдун, Хэбэй). Отсутствуют детализованные рассказы о родине предков как по материнской, так и по отцовской линии. Специфика пространственной (и геополитической) идентификации их родины — Трехречья — выражается в четкой дифференциации понятий «здесь» и «там»: здесь — это «Саньхэ»,

Трехречье; там — это и Россия, «Союз» (слово «СССР» практически никто не употребляет), и Центральный Китай.

Характеристикой «ауры места» (Т. Цивьян) в рассказах русских трехреченцев обладает «Россия» (как в целом страна, так и Забайкалье, Сибирь), несмотря на все исторические катаклизмы, с нею связанные. Приведем высказывание одного информанта: «Я в Россию ездил: там дядя в Новоалтайске, там сестры, братья, 2 месяца прожил. Когда было 53 года (день рождения считает по-китайски — *Авт.*). Сейчас думаю — жизнь лучше там (в России — *Авт.*)» (Василий Зоркальцев).

Темпоральные характеристики возникновения «рода» специфичны для трехреченских русских: историческая подоплека перемещения предков в Трехречье не зафиксирована в памяти «полукровцев», как не зафиксированы события революции 1917 г., Гражданской войны. И, в отличие от сведений В. Кляуса, никто из наших информантов не упоминал в семейных мемуаратах о печальных событиях 1929 г.¹²

Характеристики «семьи предков» трехреченцев, в целом, индифферентны по отношению к социальному происхождению, так как, рожденные в крестьянских семьях и на территории России, и на территории Китая, муж и жена (бабушка и дедушка, мать и отец для информантов), как правило, продолжали вести в Трехречье крестьянский образ жизни, охотились. Так, один из информантов вспоминает: «Охотились на всякого зверя, сохатого все ловили. Все больше на петлю ловили, винтовкой не занимались, на петлю ловили. Много рысей ловил, на шкуру; мясо кошкой пахнет, мясо не ели, шкуру продавали. В артели работали, жалованье небольшое, а детей полна изба. Коренья копали, все сдавали. Один раз росомуху поймал. <...> Русские здесь жили как у Христа за пазухой, скота держали, хлеба сеяли, нанимали работников-китайцев» (Василий Зоркальцев).

Как следует из семейных мемуаратов, исторически значимыми для «полукровцев» являются события периода японской оккупации Маньчжурии (1931–1945), освобождения Трехречья советскими бойцами (1945) и годы «культурной революции» (1965–1976) (в их словопотреблении, как правило, «революция»), т. е. те исторические реалии, которые связаны с их личной историей, глубокими переживаниями.

Наибольшей экспрессивностью характеризуются рассказы трехреченцев про японскую оккупацию (известную в истории как период существования марионеточного государства Маньчжоу-го) и про освобождение территории Трехречья советскими войсками. Драматичен в этом отношении рассказ Ирины Громовой, отец которой сам служил в японской армии: «Когда японцы тогда шли, в мою маму один влюбился, а кака любовь — он же военный: в белых перчатках, на коне ездил. Вот сделал меня, а он *кореец* был. Он японцем работал, ну, и она вышла за него. Меня-то сделали. Потом русская армия Китаю помогла, японца угнали. *Тот отец* тоже убежал с имя вместе. А маму и меня бросили, мама никак не поехала с имя. Он звал, она не поехала: “У меня дом, у меня дитё”, — и не поехала. Они убежали. До Усть-Урова (Усть-Уровье — *Авт.*) добежали, его там где-то и убили» (=Ирина Громова).

Информанты вспоминают о жестокости оккупантов: «Вот они, кровопиты (клещи — *Авт.*), *китайского народу* много погибло, много перебили. Японцы — нехорошие люди, нехорошая страна.

Японок много было тут, в Драгоценке. Мужья тут и жен привезли, ну, много их тут пострадало, которы маленькие, сами своих детей убили.

Они приглашали в Божий храм, колокол звонил, чтобы всех собрали. Один японец, он все боле с народом ватарил, он сказал, чтобы в Божий храм не ходили. Хотели подорвать, весь народ соберется, хотели подорвать. Мы из дома ушли туды, к огороднику, в яму залезли, слышим: в колокол звонят. Я говорю: “Мам, почему в колокол звонят?” Она говорит: “Народ собирают, чтобы народ собрался, потом подорвут”. Вот какие злые люди» (Таисья Петухова).

Необходимо подчеркнуть, что в годы японской оккупации территория Трехречья была заселена преимущественно русским и метисированным населением. Но, как следует из рассказа информантки, она не отделяет воспоминания о бедах, испытанных русскими Трехречья во время японской оккупации, от общей судьбы *всего китайского народа*, ведь от японцев в те годы одинаково страдали и китайцы, и русские. Таким образом, историческая память трехреченцев отражает характерные черты этнической самоидентификации «русской народности» Трехречья, совмещающей в себе русское и китайское начала.

¹² См.: Кляус В. Указ. соч. С. 210–242.

Рассказы про «культурную революцию» удалось записать не у каждого информанта: в семейных меморатах трехреченских «полукровцев» они — в разряде маргиналий. Очевидно, что такое отношение связано с нежеланием «выносить сор из избы» (по-русски), «потерять лицо» (по-китайски) и с боязнью вновь пострадать от официальных властей. Потому при первом знакомстве с информантом звучит характерная реплика: «Про культурную революцию нечего рассказывать, про это история не заходит (официальная история Китая — *Авт.*). И нам не надо это поминать, тяжело было нам, полукровцам» (Шура Чешнов).

Редкие же откровения информантов дают возможность увидеть события «культурной революции» изнутри, понять, почему дети и внуки наших собеседников не учили русский язык, а сами они многое забыли. Приведем лишь два свидетельства: «Когда в Китае была культурная революция, нам запретили русский язык. Вот за это дети ни слова не понимают, он же ни день, ни два прошёл, а 10 лет» (Шура Чешнов);

«Знают — нету-ка, а бьют. Задираются, за ноги подвешают на веревки и бьют. Не в тюрьму посадят, а в дом найдут и держат — кондала наденут. А не просто сидели — на санях да с топорами работали, а вечером опять кондалы. Хотел убежать, да куда? Один учитель убежал, они его вернули — расстреляли. [Я в] колхозе сперва работал, потом привели к лесу — там работал (в период революции и после — *Авт.*).

В культурную революцию из своих поселков свои начали как собаки. Сперва по деревням, потом по городам, по поселкам <...>

Родня с родней разговаривать боится. Я в Олочи был, там был один китаец-полукровец. Его забросили, его поставили работать, а он только сказал: “Матку сюда подвину” — по-русски. И за это его посадили <...>

Революция прошла — народ боится, по-русски не говорят. А я на телегах работал. Вечером некуда идти, зашел к китайцу. Тама-ка женщина была, да Зоя-метиска, да учитель. Я сказал: “Здравствуйте”. Ой, они испугались сразу. Никто не разговаривает. Я постоял: уходить — не уходить? Неудобно мне. Я зашел, сел. Стал по-китайски говорить. Они стали понемногу говорить. Я потом Зою спрашивал: “Почему так сделали?” — “Ой, ты нас так напугал, по-русски нельзя говорить!” Так-то народ шкурули...

Еще раз нашла история: по-русски все говорить боялись, а бабы сойдутся да по-русски раз-

говаривают. Один коммунист зашел к ним, все не стали разговаривать, все боятся. Он молчал-молчал. А потом по-китайски: “Это я где?” — “В Володькином доме”. — “А Володькин дом где? В Китае?” — “В Китае”. — “А почему в Китае по-русски говорят? Почему не по-китайски?”

Потом в 80-м, в начале перестройки (реформы Дэн Сяопина — *Авт.*), казна (власти — *Авт.*) сказала: “Можно вам по-русски говорить”. Понемногу стали говорить» (Василий Зоркальцев).

Семейные мемораты порой демонстрируют способность информантов охарактеризовать событие «не в бровь, а в глаз»: «Когда была в Китае культурная революция, всё культурно делали: то не дают пить, то не дают одеться. Меня подвешивали, отца в тюрьму садили. На моего папу кандалы одевали, железные в кузнице накуют, потом к ногам приплавят, что их снять не можно. В Олочах тиранили, потом ещё в Драгоценке. В Драгоценке тоже этот человек, который кандалы паял, он же заскочил на машину: ноги отмерзнут до Драгоценки ехать, дал одеяло — ноги замотал отцу. Мы на него не так злимся, что он хорошо отцу сделал. Ну, ничего, *Бог помог, всё прошло*» (Ирина Громова).

Страшные воспоминания о годах «культурной революции» есть в каждой семье «полукровцев», однако рефреном упоминаний о «революции» становятся горькие вздохи и приговорка «всяко прожили» (Иван Васильев): «В революцию, ой, трудно было, но *все прожили*, иконы везде все прятала на вышку, потом в колодец замазывала, потом на себе (прятала — *Авт.*), грешна Господу Богу, иконы все брошали» (Лидия Коротникова).

Не случайно мемораты о «культурной революции» связаны с размышлениями о «божием промысле»: православие в жизни трехреченских русских — важная часть их самоидентификации как «русской нации».¹³ Наиболее важным критерием этнокультурной идентификации и действенным способом сохранения этнической памяти для них становится крещение. Вот что они говорят об этом: «Внучата крещенные, от дочки вот от этой; в Хайларе крестила, а вот этих дома крестила. <...> Из Харбина китайский приезжал священник, он сколь лет работал в России, потом в Харбине работал. Коды в Лабдарине Божий храм поставили, он

¹³ См.: Шестаков М. Вестник казачьей выставки в Харбине: сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192–195.

приезжал святить, лет 10 более. Старый священник Дионисий приезжал к нам, видели, русских сколь священников было, я всех знаю, однако, что он крестил детей. Внук сейчас в Боженьку верит хорошо. Он сейчас у меня крест носит, с малых лет, он когда маленький был, я его заставляла молиться Боженьке в праздники, я говорю: “Сегодня праздник, вставай на колени”. Встанет, помолится и сейчас он так верует — православный. У меня внучата все православные» (Таисья Петухова);

«Я крещёна, а у нас в Лабдарине есть церква, потом у нас тут-ка маленькую поставили церкву нама-ка, иконы тама-ка наносили, часовня, мы вот каждое воскресенье туды ходим. Одна Аня, старушка, вот боле мы с ней двое ходим <...> Мы каждое воскресенье ходим в эту часовню, Богу молимся» (Лидия Широкова).

В семейных меморатах трехреченцев обнаруживаются и черты народного православия — в сюжетах, посвященных видениям, суеверным представлениям, рассуждениям о загробной жизни. Приведем некоторые из них: «Я маленький. У меня сестра в Покровке жила. <...> Меня потом отец увёз к сестре. У нас в деревне не было церкви, а в Покровке была. <...> Мы тот день рано со сестрой пришли, вперёд встали, соседи рядом стояли, народу много было. Мне потом-ка мать Пресвятая Богородица почудилась — это я хорошо помню, я молился и на неё смотрел, она держала в руках маленького Иисуса Христа. Женщина красива, я вот молился, всё время на неё смотрел. И никто не скажет, а она-то сидит в правом боку, а от батюшки в левом боку, так на лавочке, смотрит на нас. Парнишка русый на руках, годовой будет на руках. Платье розовое на ней, у парнишки такое бледно, розовое на ней. Я молился, думал: “Женщина кака молодая, а батюшка старый”. Потом, когда пошли домой, я сестре рассказываю: “Посмотри-ка чё, жена-то кака у батюшки молодая”. Она говорит: “В церкви-то видел могилку?” Я говорю: “Видел, с ребятишками когда играли там, часто видел”. — “Вот это его жена”. У батюшки, когда жена умрет, хоронили в церкви тогда в ограду. Я говорю: “Хорошо же — видел: женщина сидит, на руках ребёнок”. Она говорит: “Ты так будешь говорить, тебя русские наругают. Когда родится девочка, и то нельзя на этот престол”» (Шура Чешнов).

Годичный цикл жизни трехреченцев измеряется событием Пасхи и последующими за ней праздниками. Информанты об этом

говорят так: «У нас здесь хорошо праздники сохраняются. Пасху Христову, Рождество, все праздники. Пасха когда отойдет, мы высчитываем Вознесенье-то: с Пасхи до Вознесенья — 40 дней. Все вот по-русски, сейчас мы живем с детьми, все они с нами по-русски, и коды гости приезжают, гостей принимаем все по-русски» (Таисья Петухова).

Интерес к России неотделим от языковой идентичности русских «полукровцев». Один из них размышляет об этом так: «Мы тогда работали, жили весело, а теперь каждый день без работы сидим, а на сердце тяжело. У меня у жены было русское имя Таля, я ее по-русски звал. У меня внучка Алка. У всех были русские имена, у Василия жена Наталья. Дома по-русски никого не говорили, отвыкли, все по-китайски, оттого и дети не понимают» (Василий Зоркальцев).

Особенности своей языковой идентификации, причины забывания русского языка, образования языковых лакун в именовании современных реалий наши информанты связывают с отсутствием русского образования, особенно с неумением читать по-русски. Этническая маргинальность осознается поколением 1930–1940-х гг. в полной мере. Приведем лишь одно высказывание: «Раньше русские старушки говорили: “Мы нагрели Богу, вышли за китайца, дети теперичи ни рыба, ни мясо. Наносили дураков”» (Шура Чешнов). Логическим итогом представлений о том, что составляет этнокультурный стержень трехреченских «полукровцев», является высказывание В. Зоркальцева: «Я говорю: надо из России девушек, чтобы они замуж здесь шли за китайцев, и тогда — будет наша нация продолжаться».

Таким образом, семейные мемораты русского метисизированного населения Трехречья обладают особой ценностью этнографического, исторического и этнокультурного характера — как устная история Трехречья, устная основа сохранения русскими потомками истории поколений и, в целом, своей исторической памяти. Еще одна особенность этих семейных меморатов состоит в том, что они выражают самосознание не только семейно-групповое, но и семейно-этнокультурное и этнорелигиозное. «Судьба рода» в них обретает смысловое наполнение судьбы этнокультурного сообщества — сообщества русско-китайских «полукровцев», «русской национальности Китая», особенной «русской нации» Трехречья.

Andrej P. Zabiako

Doctor of Philosophical Sciences, Amur State University (Russia, Blagoveshchensk)

E-mail: sciencia@yandex.ru**Anna A. Zabiako**

Doctor of Philological Sciences, Amur State University (Russia, Blagoveshchensk)

E-mail: sciencia@yandex.ru

THE HISTORY OF GENERATIONS OF THE RUSSIAN-CHINESE FAMILIES
IN THE TREHRECHJE (SANHE) MEMORATS

The authors focused their attention on the Russian residents of the Trehrechje (Sanhe), a district in the North-East of China (Inner Mongolia). Currently there are several villages the population of which consists mostly of the descendants of the Russian settlers born in mixed marriages (the “half-bloods” as they call themselves). According to various sources, more than one thousand people identify themselves as this kind of Russians. On the basis of field studies of the Russian-speaking population of the Trehrechje, the authors came to a conclusion that for this ethnic group the most important sources of their ethno-cultural identification were the language and family memorats — the word-of-mouth stories relating the history of generations and family life. The family memorats of the Russian population of the Trehrechje preserved information about the historical processes of the beginning of the 20th century and reflected the ethno-cultural specifics of this ethnic group. Main stories told in the memorats reflected the events leading to the evolution of the Trehrechje Russians' ethno-cultural community, the history of marriages between the Russian girls from the Trans-Baikal region and the Chinese boys from the southern provinces of China (Shandong and Hebei), the events of the period of Japanese occupation of Manchuria, the liberation of China by the Soviet army, the difficult years of the “cultural revolution”. These word-of-mouth stories were gradually transformed into fixed folklore texts with their own composition, stylistics, and pragmatics; they became a basis for the historical memory and a form of the Trehrechje Russians' identity preservation in the Chinese environment. Family memorats of the Russian-speaking population of the Trehrechje acquired a status of the unwritten history of several generations of the Russian-Chinese families.

Keywords: *migration, ethnography, folklore, speech genres, memorats, ethnicity, identity, “russkost” (special Russian type), Trehrechje, ethno-cultural identification, historical memory.*

REFERENCES

- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Human Language and World]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 1999. 896 p. (in Russ.)
- Klyaus V. “*Russkoe Trehrechje*” *Manchzhurii: Ocherki folklor i traditsionnoy kultury* [“Ergun Russian Township” Manchuria: essays on folklore and traditional culture]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2015. 416 p. (in Russ.)
- Lipatova A. P. *Formy teksta rasskazov o snakh: “svidetelskie pokazaniya” i memoraty* [Textual forms of the stories on dreams: “testimonies” and true stories]. Available at: [http:// www.ulfolk.ru](http://www.ulfolk.ru) (accessed March 16, 2015). (in Russ.).
- Razumova I. A. *Vremya v semeynom istoricheskom narrative* [Time in a family historical narrative] *Po-taennoe znanie sovremennoy russkoy semi. Byt. Folklor. Istoriya* [Sanctuary knowledge of modern Russian family. Life. Folklore. History]. Moscow: Indrik Publ., 2001, pp. 241–245. (in Russ.).
- Shestakov M. *Vestnik kazachey vystavki v Kharbine* [Bulletin Cossack exhibition in Harbin]. *Sbornik statey o kazakakh i kazachestve* [Collection of articles about the Cossacks and the Cossacks]. Harbin, 1943, pp. 192–195. (in Russ.).
- Tarasov A. P. *Russkaya natsionalnaya volost Enkhe v Barge: poisk russkimi svoey natsionalnoy identichnosti v prigranichnom Kitae* [Enhe Russian ethnic township in Barga: russian searching for national identity in border China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and state in China]. Moscow: IV RAN Publ., Vol. 44, Part 2, 2014, pp. 187–208. (in Russ.).
- Zabiako A. A., Zabiako A. P. *Russkie Trehrechya: folklor kak osnova sokhraneniya identichnosti v kitayskoy srede* (Russian Three Rivers: folklore as a basis for preservation of identity in the Chinese environment). *Problemy Dalnego Vostoka* (Far Eastern Affairs), 2016, № 2, pp. 160–172. (in Russ.)

Три поколения семьи Дементьевых, носителей фольклорной традиции.
Село Эньхэ, Трехречье. Фото из семейного архива

Сестры Клавдия, Дора и Варвара Ушаковы, исполнительницы старинных песен.
Город Лабдарин, Трехречье. Фото А. А. Забияко